

Ларин Юрий

Советская деревня

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ю70

Ю70 **Юрий Л.**
Советская деревня / Ларин Юрий – М.: Книга по Требованию, 2024. – 388 с.

ISBN 978-5-519-92493-1

История. Исторические науки. СССР. Период развертывания реконструкции народного хозяйства. Борьба за индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства 1926-1932. Социально-экономические отношения. Коллективизация сельского хозяйства, деревня

ISBN 978-5-519-92493-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

пользу соотношение классовых сил, а в частности политически расслоить выступавшую до тех пор сплошной стеной деревню.

Внутри страны, где только господствовал советский флаг, помещичье землевладение было ликвидировано (уничтожено) еще раньше, в первый период.

К концу его, в апреле, перестала существовать и старая крестьянская армия (принявшая в свое время участие в Октябрьской революции и решившая ее подавляющий успех). Уже в мае—июне начинается решительная национализация фабрик и заводов (декреты о нефтяных промыслах, о металлзаводах и др. и, наконец, о конфискации всех крупных и средних промышленных предприятий 28 июня).

И почти одновременно—11 июня—издается другой основной акт периода, характеризующий подвигу междуклассовых отношений на этом этапе,—декрет об учреждении „комбедов“ (комитетов бедноты), о бедняцкой диктатуре в деревне для „раскулачивания кулаков“.

Восстание левых эсеров, вспыхнувшее в ответ в начале июля, подавляется громом пушек на улицах Москвы, как подавляются затем в течение ближайшего полугодия и местные восстания середнячко-зажиточного крестьянства в Поволжье и других районах.

Из преимущественно¹⁾ противопомещичьей на первом своем этапе (по фактически осуществляемым переменам во внутреннем хозяйственном строе) наша революция превращается в преимущественно противобуржуазную в городе и в деревне во втором ее периоде.

Пролетариат городов опирается на полупролетарскую бедноту деревень для насильственного разрушения хозяйственной мощи деревенских верхов (и для принудительного отчуждения хлебных „излишков“).

Начинается организация и деятельное насаждение бедняцких колхозов (артельных коллективных объединенных сельских хозяйств) и пролетарски-государственных совхо-

¹⁾ Но, понятно, не исключительно—иначе она не была бы пролетарской, содержавшей уже в зачатках и возможностях все, что затем развернулось.

зов, о которых раньше нельзя было и заикнуться (и к которым отходит около 5 миллионов десятин лучшей земли). Закрепление противобуржуазного социального содержания революции находит себе выражение в почти стихийном порыве городских рабочих организаций по прекращению частной торговли, широко проявившемся с начала сентября (после покушения на убийство Ленина) и оформленном декретом 21 ноября 1918 года о всеобщей муниципализации торговли.

Третий период революции начинается вместе с 1919 г.

Держаться на одних бедняках в деревне оказывается трудновато.

Полгода их неограниченной власти к тому же подорвали кулачье и многоимущих—отняты лишние посевы, переделены лошади и проч., прочно закреплены за пролетариатом симпатии миллионных масс деревенских бедняков. К началу 1919 года издается декрет об упразднении комбедов и объявляется курс на примирение с середняком.

Экономическое выражение он находит прежде всего в произведенной с 1919 г. замене реквизиционного изъятия излишков системой продразверстки.

Социальное отличие очевидно: намерение изымать, как правило, все излишки против потребляемого самим крестьянином („по норме“), означало, во-первых, полное воспрещение середняку торговать (бедняка это не касалось, так как он не только не продавал, а еще прирабатывал на стороне).

Между тем как продразверстка принципиально сохраняла за хозяином право свободно распоряжаться продуктами, остающимися у него после выполнения разверстки.

Во-вторых, система изъятия излишков означала принципиальное освобождение всей бедняцкой массы, тогда как разверстка падала на деревню в целом, с круговой порукой и ответственностью, и потому давала больше простора для внутридеревенского переложения части налога и на бедноту.

Если первый этап был периодом союза с нерасслоенной еще политически деревенской массой вообще, то второй был временем особенно яркого проявления курса на бедняка и

третий—на середняка. Что же касается буржуазии, то вопрос о ней считался пролетариатом в это время столь же основательно поконченным вторым периодом революции (всеобщая конфискация), как основательно покончил с помещиками первый ее этап.

Однако к концу третьего периода (весна 1921 года) и в этом отношении пришлось произвести временную существенную передвижку фронта.

Удержать союз с крестьянским середняком без буржуазных методов хозяйства было бы под силу лишь такому богатому социалистическому строю, какой был бы в силах широко снабжать деревню всем необходимым, путем организованного планового распределения. Но у нас было достаточно планов, но весьма недостаточно предметов распределения. Нашу бедность мы рассчитывали восполнить помощью имевшей победить в Европе рабочей революции. Но высоко поднявшаяся в 1918—1920 г.г. в Европе волна рабочего движения к началу 1921 г. была разбита буржуазией (последние вооруженные схватки в начале 1921 г. в Германии).

На ряд лет вновь укрепилась буржуазная диктатура в Европе, и усиление буржуазной прочности снаружи усилило для нас и значение мелко-буржуазного давления изнутри,—началась „новая экономическая политика“.

Четвертый период революции, период развращения нэпа, продолжался с весны 1921 г. до осени 1923 г. (октябрьский кризис торговли и связанные с ним явления).

Междуклассовые передвижки фронта происходят в двух направлениях.

В деревне вновь начинают крепнуть зажиточные верхи.

Свобода торговли и стихийность рыночных отношений (регулировка которых властью в этот период сильно слабеет даже в применении к госорганам), имущественные неравенства среди крестьянских дворов делают исходными пунктами быстрого формирования социальных, классовых отличий.

Ставка на середняка стихийно дополняется ставкой на вышесреднего крестьянина: вновь воскресают наемный труд в деревне, аренда земли, ростовщичество (особенно инвентарем и скотом), при помощи своих „средств“ (взяток,

подкупов) зажиточные начинают равнять по своим интересам землеустройство, машиноснабжение, агропомощь, наличные крохи кредита и т. д., используя для этого все щели нового законодательства. Меняется социальная характеристика одного из основных стержней хозяйственных отношений между деревней и пролетарским государством—системы обложения.

Продналог, пришедший на место разверстки, до самой осени 1923 г. (закон 26 августа 1923 г.) почти вовсе не освобождал бедняцких хозяйств,—это был уже перенос на них части бремени не только преимущественно принципиальный, как при развестке, но реальный.

В городе свобода торговли, при бедности государства, раскрыла двери буржуазному возрождению, спекуляции, посредничеству, обогащению.

К концу периода буржуазия захватывает почти полностью в свои руки дело торговой смычки города с деревней (и значительную часть внутригородского снабжения), а также ставит почти в исключительную зависимость от себя сотни тысяч кустарей, вырабатывающих не менее пятой части всех промышленных изделий, производимых в государстве.

Зачатки возрождения кулачества в деревне и буржуазии в городе—такова цена, какую из-за бедности страны принужден был заплатить пролетариат в четвертый период революции ради возможности сохранить и постепенно поднять свое пролетарски государственное хозяйство в столь тяжких условиях.

Приходилось не только менять методы своих взаимоотношений с деревней (на рыночные, в чем заключалась формальная основа нэпа), но и совершать социальное отступление по существу, очищая пред буржуазией города и деревни ряд позиций, чтобы иметь зато возможность тем более сосредоточить силы на основном, т. е. на собственном государственном хозяйстве пролетариата, и, укрепив его сначала, перейти затем снова от социального отступления к социальному наступлению.

В условиях нищеты другого пути для успеха не было, кроме этого маневра сосредоточения всех сил на главном, и он оправдал себя.

Через несколько лет фабрично-заводская и горная промышленность оказалась уже в несколько раз большей, чем в 1921 г., реальная заработная плата удвоилась, и рабочий класс стал оправляться, финансы государства приблизились к равновесию и явились твердые деньги, транспорт упорядочился и т. д.

Осенний кризис 1923 г. наглядно показал обратную сторону медали: распад здоровой хозяйственной связи с деревней, торговое засилье частного капитала, колебания в настроении бедноты и т. п., и политические отражения этого (между прочим, в форме „дискуссии“). Одновременно чрезвычайная легкость и быстрота преодоления его государственным вмешательством (твердая политика понижения цен с расширением производства, подчинение госорганов плановому руководству и т. д.) с очевидностью показали, какие громадные силы и возможности успели уже накопиться в распоряжении пролетарской власти, для перехода в наступление на обратное завоевание утраченных-было социальных позиций, и ждали только своего применения.

Пятый период революции, направление которого наглядно оформилось с начала 1924 г., характеризуется поэтому возобновлением пролетарского наступления во всех областях междуклассовых отношений.

В деревне подчеркивается борьба против кулака, кулак апрельским законом исключается из потребительской кооперации и т. п. Вновь воскресает внимание к бедняцким колхозам, и преобразованием и расширением „кресткомов“ (комитетов взаимопомощи) делается попытка создать бедняцко-середняцкий блок против кулака с явным перевесом малоимущих.

Пересматривается крестьянское обложение, повторно расширяются льготы низшим группам и ставится вопрос о почти полном освобождении их от налога (при предстоящем в 1925 г. включении его в систему подоходного обложения), как это было на втором и третьем этапе.

Вместо фактического курса на середняка и зажиточного, господствовавшего в деревенской жизни в четвертом периоде, теперь все более укрепляется курс на середняка и

бедняка, с некоторым уклоном в пользу последнего (что объясняется как его большею социальной близостью к пролетариату и большею восприимчивостью к товарищеским формам хозяйства, так и большею многочисленностью среди всего сельского населения).

По отношению к торговой буржуазии, хотя иногда и не без отдельных временных колебаний на практике, все явственнее обозначается подрыв органами пролетариата (государственными и кооперативными) той торговой почти монополии, какую она завоевала себе на потребительском рынке в четвертый период.

Буржуазия уступает позиции как в оптовом, так и в розничном обороте.

Товарооборот страны постепенно вновь сведется к планомерно организованному распределению, на этот раз в форме снабжения рыночными методами вместо продиктованного скудостью пайкового.

Внешним выражением этого процесса служит, между прочим, появление вновь специального высшего государственного органа руководства распределением, не существовавшего в четвертом периоде и именовавшегося в третьем периоде — Комиссией использования, а в пятом — Наркомвнуторгом.

Социальной характеристикой пятого периода является таким образом возобновление пролетарского наступления, ставшее возможным на основе постепенного под'ема хозяйства.

Вновь ставятся те же задачи, какие стояли раньше, вновь оживляется связь с деревенскими низами, вновь все более начинает отстраняться от крупного участия в хозяйственной жизни буржуазия, но на этот раз с более внимательным учетом интересов середняка (сохранение рыночных форм взаимоотношений), возможность к чему дана менее нищим состоянием страны, чем в каком она находилась первые годы после победы революции.

Дальнейшие перспективы (ожидания на будущее), поскольку будет продолжаться переживаемая нами последние годы военная передышка, обещают в конечном счете еще более непреложное укрепление этой линии, еще бóльшие успехи на этом пути.

II. Рост крестьянской общественности и очередные вопросы деревни.

Общественная пассивность крестьянства обосновывалась обычно до войны производственным строением крестьянского хозяйства, его распыленностью, значительностью натурального момента в крестьянской экономике.

Однако и эта хозяйственная характеристика нуждается для нынешнего времени в некоторых поправках и дополнениях. Постепенное вовлечение деревни в товарный оборот уничтожило в значительной мере прежнюю изолированность, оторванность крестьянского хозяйства от внешнего мира, создала его связь с рынком и тем с общими вопросами политики. Создание и развитие десятков тысяч кооперативных организаций, собирающих в один кулак некоторые отдельные функции индивидуальных крестьянских хозяйств, начали смягчать прежнюю аморфность, дезорганизованность, внутреннюю распыленность крестьянской массы.

Эти изменения, в буржуазной Европе достаточно резко обозначившиеся еще до войны, несмотря на всю существенность, сами по себе были недостаточны для формирования достаточно серьезных собственных политических организаций крестьянства.

Местами, правда, успевала организовываться небольшая кулацкая верхушка (например, небольшие консервативные крестьянские партии в Германии и других странах), но основная масса деревни не имела еще собственных кадров для политической организации. Само собой, что речь при этом идет у нас не о батраках и не о явно полупролетарской части, а о крестьянских семьях, ведущих свое хозяйство, не поступаая одновременно на сторону в на-

емные рабочие. Таких самостоятельных крестьян, от мало-мощных до зажиточных включительно, у нас в Советском Союзе свыше трех четвертей всего деревенского населения.

Крупное отличие условий, созданных советским строем, от условий крестьянского бытия в буржуазных странах заключается прежде всего в чрезвычайном облегчении формирования таких элементов самостоятельной крестьянской общественности, большая часть из которых совершенно не произрастает на буржуазно-европейской почве. Это обстоятельство значительно усложняет задачу пролетарского руководства крестьянством и для успешного решения этой задачи должно привлечь к себе достаточно внимания.

Как раз теперь сложились и складываются условия, когда процесс формирования собственных общественных кадров деревенских масс должен начать делаться более заметным в силу указанных ниже обстоятельств. Кадрам батрацкой и полупролетарской деревенской общественности естественно вливаться в общий поток пролетарской организованности. Кадры узкой, но хозяйственно-влиятельной кулацкой верхушки (всего около одной тридцатой или одной сороковой части деревенской массы) не менее естественно тянутся к буржуазии, к буржуазной оппозиции пролетарскому режиму. А образующиеся общественные кадры основной деревенской массы, расположенной между полупролетариями и кулаками, и являются той средой, за привлечение которой должны вести между собой борьбу рабочий пролетариат и буржуазное кулачество.

До сих пор с буржуазными влияниями за руководство нами крестьянством протекала при условиях слабой наличности у основных масс деревни собственных общественных кадров, при слабой втянутости рядовой крестьянской массы в общественную работу. Внешнее выражение это находило в слабом участии рядовых крестьян даже в таких особо крупных явлениях сельской общественной жизни, как участие в происходящих раз в год выборах в сельсоветы и волисполкомы.

Как известно, последние выборы—конца 1924 г.—по газетным отчетам отличались особо живым участием деревни

в перевыборах сравнительно с предшествующими годами. Однако и это сравнительно „особо живое“ участие в абсолютном значении оказывается довольно-таки ничтожным. Наркомвнудел РСФСР т. Белобородов опубликовал в ленинградской „Правде“ от 17 декабря сведения об участии в конце 1924 г. в выборах сельских советов по 12 губерниям (Иваново-Вознесенск, Нижний-Новгород, Саратов, Смоленск, Вологда, Новгород, Псков, Воронеж, Рязань, Алтайская, Вотская, Чувашская). В этих губерниях на выборы сельсоветов из около 10 миллионов избирателей явилось на выборы только 20,5%, одна пятая часть. Иначе сказать, деревней заправляет (поскольку это делается через сельсовет и волисполком) лишь небольшое меньшинство взрослого населения. Посещаемость обыкновенных сельских сходов (не для выборов) еще ниже по данным обследования ЦКК и РКИ—лишь около 10% избирателей (см. издание РКИ „Волисполкомы и сельсоветы“ под редакцией т. Чуцкаева—сходы бывают в РСФСР примерно ежемесячно).

На выборы и на обычные сходы являются более активные в отстаивании своих интересов, более сознательно относящиеся к этим интересам и более подготовленные к их защите—грамотные, привыкшие и в старое время к такого рода деятельности и т. п. Всем этим условиям удовлетворяют прежде всего элементы зажиточные и даже кулацкие.

Потому иногда и встречается, что именно они держат в руках органы сельской и волостной власти.

О численности вообще в деревне этих элементов можно судить по данным налоговых списков НКФина за 1923-24 хоз. г. (см. изд. НКФ „Сел. хоз. СССР в 1923-24 г.“ под редакцией тов. Лифшица). Списки делят все облагаемые крестьянские дворы по степени хозяйственной мощности на девять разрядов, при чем по общепринятому расчету к кулацкой группе относится в среднем девятый разряд (имеющий более 3 десятин пашни на душу) и к зажиточной—восьмой и седьмой разряды (т.-е. имеющие не менее 2-х десятин пашни на душу). По всей РСФСР без Туркестана и Дальневосто́чья согласно этому имеется 6,7% зажиточных и 2,9%

кулацких или полукулацких дворов. Всего на крестьянскую верхушку приходится таким образом около 10% всех крестьянских семей. Остальные девять десятых приходятся по тем же данным на середняков (почти около 40%) и на маломощных (свыше 50%).

Многочисленные газетные корреспонденции сходятся на том, что кулацкая и зажиточная группы принимали очень деятельное участие в выборах, являлись на сходы, шумели, агитировали и пр. Само собой, если в выборах участвует всего около 20% избирателей, как подсчитал т. Белобородов для 1924 г. по 12 губ., или даже около 30% — по более позднему докладу тов. Кагановича на январском совещании по советскому строительству (для сравнения можно привести, что на выборах сельсоветов конца 1922 г. — по отчетному изданию НКВД за 1922 г. участвовало 22,3% избирателей, т.е. тоже около одной пятой части), — то верхним группам, зажиточной и кулацкой, насчитывающим 10% всех дворов, если они дружно явятся на выборы или на очередной сельский сход — весьма легко иметь там значительное влияние.

Что нередко так и происходит, что маломощная (большая) половина деревни почти совершенно оттесняется при этом от участия в сельсоветах, не попадает в число избранных туда членов, — это наглядно подтверждается рядом приводимых в № 1 „Власти Советов“ (орган ВЦИК) за 1925 г. сведений о степени участия безлошадных крестьян в сельсоветах по ряду губерний по данным о выборах конца 1924 г. (стр. 9). Общее количество дворов без рабочих лошадей достигает в РСФСР 37% (согласно Центр. Стат. Управл.), а на Украине оно доходит даже до 50%. По налоговым спискам НКФ есть обширные области, где процент крестьянских дворов без всякого рабочего скота, не только без лошадей, значительно превышает и эту среднюю величину, напр., в Центрально-Земледельческой области более 42%, в Средне-Волжской более 40%, в Волжско-Камской тоже более 40% и т. д. Между тем, вот упомянутые выше данные о социальном составе членов сельсоветов после выборов 1924 г.: